

САША СЕЛЯКОВ

ОПИУМ ПАРФУМ

16+

Саша Селяков

Opium Parfum

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34749626

SelfPub; 2020

Аннотация

Два друга проходят стационарное лечение в больнице. Разговоры о жизни в месте борьбы за нее создают впечатление, что ответы на вечные вопросы получены, смысл найден и можно двигаться дальше. Но жизнь не обманешь. Солнце настоящего создает тени прошлого.

– ...вот и поэтому бросать курить очень опасно! А тем более если болеешь. Организм и так ослаблен, а ты ему дополнительную нагрузку даешь – стресс, так сказать. Я вот стрессы не люблю, а тем более... кх... кхе...

Задорную речь прервал сухой кашель.

– А тем более, говорю, ты знаешь, сколько лет я курю? Вот и представь, что происходит у меня внутри – я и никотин одно целое! И если его у меня отнять, произойдет такой сбой, что столкновение частиц в андронном коллайдере покажется лишь насморком вселенной. Вот. Ну, ты же понимаешь, обмен веществ, все остальные процессы, они уже к нему привыкли. К никотину то. Короче, если брошу – заболую и умру. А я не хочу умирать, еще жить да жить, да ведь, Колян?

Он хлопнул меня по плечу.

– Ну, че, курить идем?

– Не, давай сам.

Лучезарную улыбку сопровождало легкое пожатие плечами, и едва заметный наклон головы. Ну, прям душка. Поняв, что его дешевый артистизм не вызывает у меня никаких эмоций, Гера взял с тумбочки пачку сигарет и, поклонившись в пол, вышел за дверь.

Я не курил уже давно, и он прекрасно об этом знал, но, как говорится, надо же о чем-то говорить. Не уходить в себя с опущенной гривой, а оставаться на плаву. Молодчага Гера, что тут скажешь. За это и дорог. Неважно как он сегодня себя чувствует, какая за окном погода, и что говорят в ново-

стях, улыбка с его лица не сходила даже во сне. А то, что я не выказал Гере никаких эмоций, так это ему же на пользу. Повторяться уже начал. Бравады о пользе курения и вреде его бросания я слышал уже раз в пятисотый. Пора бы разнообразить репертуар, пусть придумает что-нибудь новенькое, мозгов у него хватит, не все еще прокурил. Хотя нормально стелит. Вот услышь я это в первые месяцы после того как бросил, может начал бы сомневаться в правильности решения. Может и закурил бы. Зараза это такая...

Я лежал в кровати и смотрел в потолок. Тонкая линия трещинки тянулась из дальнего угла и рассыпалась по центру в неровную паутину. Надо бы побелить. Хотя смотреть в идеально белый потолок, наверное, куда скучнее, чем пытаться найти в произвольных отколах известки какую-то закономерность.

Когда взгляд дошел уже до окна, и я решал, куда посмотреть дальше – на улицу, или продолжить изучать этот в меру фатальный пейзаж, раздался громкий и уверенный голос Глеба Жеглова: «Ну-с, дорогие мои граждане уголовнички, приступим к нашим играм?». Опять это кино. Ну, сколько можно то? Как телевизор не включишь, как назло на него попадаешь. Вон даже спящие согласно захрапели.

– У кого пульт? Сделайте потише, – сказал я, не поднимая головы с подушки.

Странно, с первого раза поняли. Обычно надо минимум два. Поскорее бы уже Гера пришел, без него реально скучно.

Была бы моя воля, разрешил бы ему курить прямо в палате. Нет, у открытого окна естественно, и не так часто, но главное, чтобы не оставлял меня наедине с этим печальными лицами. А то бегают курить в другой конец корпуса под лестницу на цокольный этаж, и ждать его приходится ну очень долго.

О, судя по шарканью в коридоре, кто-то подходит к нашей двери. Хоть бы Гера...

– Добрый вечер, господа хорошие! Так, кто тут у меня... – маленькая, кругленькая медсестричка впорхнула в палату легким глассада и начала раздавать пузырьки с таблетками, плавно лавируя между кушетками, – так на уколы быстренько! Идите-идите, пока народу нет!

– Идем, идем, – сказал я, высыпая таблетки в карман. Время пить их еще не пришло.

С одной стороны, ходить три раза в день на уколы довольно весело: пересекаешься с уже почти знакомыми пациентами и врачами, не стесняясь, исследуешь новые незнакомые лица, особенно молоденьких практиканток (кстати, не только лица), да и вообще хоть какая-та движуха. Но с другой стороны это же уколы. Антибиотики. Такие болючие, что ногу сводит. И каждый раз, когда, прижав ватку к ягодице, плетешься назад до палаты, думаешь: «Всё! Больше ни за что не

пойду! Ну, сколько можно меня мучить...»

Но через час отходишь и понимаешь, что всё равно пойдешь туда в следующий раз. Потому что надо. Двусторонняя пневмония – это не шутки. Уж я то знал, не впервой. После месячного лечения можешь чувствовать себя здоровым, но курс антибиотиков прекращать ни в коем случае нельзя – может случиться рецидив, и тогда всё по новой. Опять курс антибиотиков, только уже других, потому что к тем инфекция привыкла, а новые, скорее всего, будут еще болючее... Как говорит одна медсестра: «Терпи! Попа не голова, думать не...»

– Ой, извините! – чуть не сшиб меня парень, идущий навстречу. Его шатало так, будто выпил он изрядно много.

– Ничего, ничего. Сам доберешься?

– Ага, спасибо, – и, прислонившись к стенке, зашагал более уверенно.

Уже видел его пару раз. Говорят, какая-та невралгия. Бывает. Вернее, бывает и хуже, так что особого повода для сострадания я не видел. Наверно. Просто бывает уже осознанно тормозишь в себе это самое сострадание, боясь, что на всех его не хватит.

Больница скорой помощи представляла собой огромное здание со множеством отделений, где больные должны были находиться соответственно своим недугам. Но, как это обычно бывает, в паре отделений шел ремонт, в паре как обычно не было свободных мест, и больные с разной категорией за-

болеваний могли оказаться на соседних кушетках. Так что встретить в коридоре подобных праздношатающихся (простите за иронию, сарказм для нас – дело привычное) не было чем-то из ряда вон. Да что в коридоре, прямо у нас в палате лежал Вениаминыч – дед с уже третьим инсультом. Походу в «неврологическом» всё совсем плохо.

Дойдя до ближайшей урны, я выкинул ватку и начал разминать сведенную от лекарств ногу. Жесть. То ли они мне постоянно в нерв попадают, то ли это нормальная реакция – все забываю спросить. Я стоял и тряс ногой, когда заметил, что дверь в одну из БИТ палат открыта настежь. Правила у них что ли такие? А о нас почему не подумали? Ведь как себя не заставляй не смотреть, все равно, проходя мимо, хоть одним глазком, да туда заглянешь. Ну а картины в блоке интенсивной терапии, мягко говоря, не самые радужные.

Я отвернулся и зашагал дальше. Возле самой палаты я услышал голос, доносившийся из-за двери. Вернее не голос, а хохот – похоже Гера развлекал кого-то очередным каламбуром. Но когда я зашел внутрь, увидел, что развлекал он походу себя – лица всех слушателей были угрюмо-печальными и обращены в телевизор.

– ... и тут она мне заявляет: «Молодой человек, у вас такие честные глаза, вы случайно не аферист?» Ха-ха-ха! Вот умора! Честные, говорит, и аферист! Че не дошло что ли?

– Что ты к ним пристал? Видишь же, телевизор смотрят, – я устало плюхнулся на кровать.

– Серьезно? А что за кино? Новое, да? Мне вон тот что-то больно Шарাপова напоминает. Володьку то. Знаешь такого?

– Ага. Выпивали как-то.

– Ну, ну. Как подкололся?

– Нормально. А ты как подкурился?

Вот в подобной легкой интеллектуальной беседе мы и заканчивали наши вечера. Закруглялись, когда уже начинали зевать. Кинолюбителям похоже, не сильно мешало, что смеялись мы еще громче Кошелька. Они бы, наверное, даже не заметили, если бы мы канал переключили. Надо как-нибудь проверить.

Когда Гера пошел чистить зубы, я потянулся и взглянул на часы – пора. Выдвинув ящик, я начал раскладывать на тумбочке таблетки.

Проснулся я от невнятного крика. Я даже не сразу понял, где нахожусь, и какое сейчас время суток – остатки сна еще витали во мне, а лунный свет мягко струился по сумраку палаты. Кричал Вениаминыч. Такое часто случалось – insult забрал у него почти всю возможность двигаться и внятно говорить, поэтому все его просьбы были в виде громких, малопонятных звуков. Со временем мы привыкли и даже стали его понимать, все-таки речь была не совсем утеряна, и среди расплывчатого голосового потока иногда попадались знако-

мые уху слова.

– Ну что ты, деда? – я присел на кушетку, пытаюсь размокнуть смыкающиеся веки.

– Ися! Ися!... Позои! Позои! – он пытался поднять непослушную руку, показывая пальцем на кнопку вызова медсестры, дотянуться до которой самому, у него не было никакой возможности.

Надо же было расположить систему вызова медперсонала где-то в районе ног, да и еще и на таком расстоянии от кушетки, что двигались бы у Вениаминыча ноги, он должен был быть минимум гимнастом-эквилибристом, чтобы до нее дотянуться. Поражаться изобретательности нашей медицины можно бесконечно. Я встал и, дойдя до его койки, сильно надавил на кнопку.

– Ибо, ибо!

– Не за что.

Я присел к себе. Сон пропал начисто. Когда мои глаза покорно свыклись с пробуждением, я оглядел всю палату. Спят. Ну как от такого крика можно было не проснуться? Не понимаю. Или делают вид, что спят. А что, очень даже может быть, на них это похоже. Уже не в первый раз.

Вообще я заметил, что помогать беспомощному старику никто не спешил. Нет, понятно, что на это есть медсестры и санитары, но когда живешь рядом, происходят такие ситуации, что можешь помочь и ты, так оно быстрее и проще, и ничто от тебя за это не убудет. Чашку, например, за него уне-

сти, а не ждать, чтобы она стояла до ужина, или всю ночь до утра, пока за ней не придет кормилица из следующей смены, одеялом накрыть, если сползло, или вот как сейчас кнопку нажать. Да подобных ситуаций миллион. Интересно, сколько бы они так лежали, слушая его крики, если бы не я?

Зашла медсестра и, уперев руки в бока, встала возле Вениаминыча, который, продолжая издавать нечленораздельные звуки, показывал себе куда-то в район паха. Тяжело вздохнув, она, закатала рукава и, бормоча что-то себе под нос, начала менять ему подгузник.

Зачем я помогал ему? Я долго копался в себе, ища причины и пытаюсь найти ответ. Наличие массы свободного времени и природная неудовлетворенность собой позволяла мне это сделать.

Так для чего же? Чтобы помочь? Чтобы показаться лучшим перед другими?

Нет.

Перед самим собой. Чтобы почувствовать себя значимым и показать себе, что ты еще чего-то стоишь на этой земле.

Что это – благородство или чистой воды эгоизм?

Ответа на этот вопрос я пока не нашел.

– Ибо! Ибо!

Медсестра ушла, а Вениаминыч лежал и, улыбаясь, смотрел на меня.

– Й...й... й иной...

– Что? Я тебя не понимаю, ложись спать.

– Й... й... ой, – он часто дышал, а лунный свет озарял его покрытое потом лицо – й... й... шиной. Нельзя одной машиной.

Последние слова гроыхнули так ясно и четко, что меня хватил озноб. О чем это он, совсем из ума выжил. Поспать уже точно не получится. Дрожащими руками я вытащил из кармана часы – скоро рассвет.

– О, а ты чего не спишь? – в палату зашел Гера.

– Не спится. А ты где был?

– Курить ходил.

Ориум кружил голову так, что мне хотелось закрыть глаза и окунуться в него целиком, растворившись там без остатка. Восточные пряные нотки хоть и казались мягкими, но в них чувствовалась скрытая сила, и стоило лишь немного расслабиться, как они сбивали с ног. Я конечно не знаток женских духов, но почему-то мне кажется, что такой парфюм предназначен не для работы. Ну, или для другой работы. Хотя почему бы и нет – пусть лучше так, чем вдыхать этот зловонный запах лекарств.

Я сидел в кабинете своего доктора и с интересом изучал ее лицо. Делать это было очень удобно, поскольку она, чуть склонив голову, писала что-то в моей карточке. Она усердно пыталась сосредоточиться, и отвлекал ее отнюдь не мой лю-

бопытно-уверенный взгляд.

Я не запомнил, как ее звали. Да в принципе и зачем? Сколько у меня было уже этих врачей, и сколько еще будет... Только-только закончив медицинскую академию, она работала терапевтом всего полгода. Что может занимать мысли красивой женщины в двадцать с небольшим? Ну, уж явно не то, как на нее пялится, наверняка не первый за сегодня, больной. Сладостные воспоминания ночи, прелесть счастливого утра, томящее ожидание вечера... Мне самому не так давно было двадцать с небольшим, так что все, как говорится, было на лицо.

Светлые волосы были собраны в аккуратный пучок, но стоило ей только скинуть с себя суровый образ эскулапа, как все заколки вместе с белым халатом летели в том же направлении. Как пить дать. В обычной жизни она, скорее всего, носила распущенные волосы, иначе зачем было их так изысканно подкрашивать? Пучок на затылке не позволяет вдоволь насладиться всеми оттенками и гаммой цвета. А брови? Их форма и ширина явно приписывали ее к почитательнице модных трендов. В сочетании с серьезным лицом они выглядели очень комично.

– Кхм, кхм! С вами все в порядке?

– А? Со мной? Даа. В полном.

Глаза-то оказывается карие, а мне сначала показалось зеленые. Ну что ж, пусть так. Кареглазая блондинка, пахнущая сливочно-пряной ванилью... Opium Parfum. Этот аро-

мат что-то остро напоминал.

– Итак, Николай, я посмотрела ваши последние снимки – легкие вроде чистые.

Интересно, а она любит ходить по клубам и по кальянным или предпочитает театры и тихие ресторанчики...

– Поэтому, как закончится курс антибиотиков... Сколько уколов осталось?

– Не знаю...

Мило наморщив лобик, она пролистала карточку на пару страниц назад и начал водить по строчкам пальцем.

– Три.

Ого, а маникюр-то какой. Один пальчик в стразиках, а на остальных золотистый переливающийся лак. Походу по клубам.

– После уколов делаем контрольный снимок, и, если все в порядке, пройдете еще раз инфекциониста и готовим вас к выписке. На той неделе уже будете дома.

– Отличненько.

На щечках появился румянец, а глазки стремительно забегали.

– Можете идти. Выздоровливайте.

– Очень смешно.

Она потупила взгляд.

– До свидания, всего вам хорошего. Удачного дня.

– Вам тоже... э... спасибо... до свидания... доброго...

всего вам.

Я вышел из кабинета с легкой улыбкой, гадая, как долго не выветрится этот опьяняюще горячий парфюм. Хоть бы до вечера хватило. Есть шанс увидеть сны.

Вообще здесь раньше была процедурная. Ну а потом из-за нехватки мест и, видимо из-за отсутствия процедур, ее переоборудовали в палату. То есть это было нежилое помещение: широкие окна, высокие потолки, а вместо одной стены были две застекленные двери, которые вели в соседнюю палату, тоже бывшую процедурную. Персонал любезно завесил их синими хирургическими простынями, чтобы типа соседей не было видно. Днем то ладно, а вечером при зажженном свете на стене разыгрывался настоящий театр теней. Но, как я уже говорил, наша медицина способна на многое, поэтому такие мелочи как-то не особо и удивляли. Но вот в случае с расположением экстренной кнопки это нифига не оправдание.

Геру тоже должны были скоро выписать. Ему тоже не в первой. По его словам в свои тридцать пять, в больнице он лежал тридцать пять раз.

– И вот заходит он такой к нам с черным чемоданчиком в руках, волосы седые назад зачесаны, на носу очки тонкие, а глазки под ними маленькие и перескакивают с одного на другого, будто сканируют. Медленно, двумя пальчиками натяги-

вает на лицо медицинскую маску и говорит с греческим акцентом: «Здравствуйте, я ваш новый лечащий врач. Моя фамилия Метаца». Я аж чуть компотом не поперхнулся: «Как как говорю? Метаца? А вас случайно не Позняк зовут?» Ха-ха-ха-ха! – Гера хлопнул себя по колену – Метаца! Ты представляешь? Лечащий врач Позняк Метаца!

– Ой, да хорош заливать, я этот мем года два назад видел.

– Быть такого не может! Если только кто-то из на тот момент присутствующих не взял, да и не выложил всё это в сеть. А фотка там была? Седовласый такой, щеки впалые...

– Была. Волосы черные, морда страшная, широкая, щеки в экран не влазят.

– Ну, может брат евоный. Мало что ли у нас в стране таких врачей, при встрече с которыми уже поздняк метаться? Да и вообще, каких имен сейчас только не встретишь, – видимо поняв, что шутка не удалась, Гера решил сменить тему, – тебе таблетки не пора пить?

– Нет, я слежу.

– Следи, следи, это важно. Ты на укол, кстати, сегодня еще не ходил?

– Нет, а что?

– Как пойдешь, мимо БИТа быстро проходи и ни в коем случае туда не заглядывай, – проговорил Гера напряженным шепотом.

– Угу. Кто там? Неужто сам Позняк Метаца?

– Блин, да я серьезно. Вот с вами всегда так: врешь –

верят. Последнее отдать готовы! Сами, прошу заметить. А правду начинаешь говорить – все в штыки. Мошенник, аферист, караул, милиция! Вот как в таком мире можно жить?

На укол я пошел раньше, чем было нужно. Обычно я выходил минут за пять, чтобы быть первым, ну максимум вторым. А сейчас не выдержал. Терпения не хватило.

Не обманул Гера. Лучше бы я не смотрел. Он лежал на кушетке с откинутым одеялом в одних трусах, которые буквально висели на нем. Скелет, обтянутый кожей. Подобное я видел только на кадрах Холокоста. О, господи, что с ним случилось...

Было видно, что живот... точнее кожа в районе живота, глубоко утонувшая под острыми шипами ребер, медленно вздымалась под старт его дыхания. Сам по себе роста он был небольшого, а ноги и руки были толщиной, наверное, с два моих пальца. Черным, как смоль, волосы уже омрачила собою седина, а смуглая, в сочетании с неживой бледностью, кожа выглядела как чищенный картофель. Щетина торчала редкими длинными волосками в разные стороны. Глаза были полуприкрыты, а по векам ползали мухи.

Я застыл и не мог сдвинуться с места, ноги, как будто налились свинцом. Я видел, как смерть держит его за руку...

– Отойди, отойди, чего встал? – меня отпихнула толстая

медсестра, несшая в руках какие-то шланги и огромный шприц.

Она и еще два санитары зашли в БИТ палату и закрыли за собой дверь. Не знаю, сколько бы я еще там простоял, но, когда услышал жалобный, но отчаянный полукрик-полустон, чуть ли не бегом рванул к себе в палату.

– А я тебя предупреждал. Иди, присядь, водички попей, – Гера сидел на кровати, опершись спиной о стену, и скрестил руки на груди, – выглядишь не очень.

Держась за косяк, я пытался вдохнуть полную грудь воздуха, но, когда понял, что стоять мне трудно, медленно опустился на табурет.

– Что это было?

– Его привезли сегодня ночью. Я как раз вышел в туалет... или покурить, уже не помню... Видок у меня был, примерно, как сейчас у тебя... Да не только у меня, у всех! Мы потом это... когда курили с санитаром, он мне все и рассказал, – Гера провел ладонями по волосам и оставил их, скрестил пальцы, на затылке, – он не ест уже второй месяц. Сам. Намеренно.

Я вцепился в табуретку с такой силой, что побелели пальцы.

– Ну как намеренно, крышак у него потек после какой-то китайской хери. До того докатился, говорят, ватки по три раза вываривал. Короче он ничего не ест.

– Как... как такое вообще... – моя голова моталась из сто-

роны в сторону, отказываясь верить.

– Его пробовали кормить насильно – он начал кусать пальцы санитарам. Ему пробовали вставить трубку в пищевод, чтобы залить туда еду – он прогрыз ее зубами. Сегодня хотят через нос.

– Уже.

– Черт...

Гера раскинул руки в стороны и упер подбородок в грудь.

– Интересно, что у него сейчас в голове творится?

Повисшую тишину разорвали трескучие помехи телевизора и громкий голос диктора новостей.

– Да сделайте вы потише этот долбаный ящик! – не выдержав, прокричал я и начал ходить взад-вперед по палате, – ниче святого! Люди, ну как же так, неужели внутри ничего не дрожит?

– Сядь, успокойся. И так тошно, – Гера встал. Когда он не улыбался, он выглядел лет на десять старше, – пойду покурю.

Ничто не может испортить настроение в день выписки из больницы. Так я думал раньше. А потом, когда этих выписок на моем веку стало уже с десятков, особой радости они не вызывали. Привык, что тут поделаешь.

Я стоял с хмурым лицом перед флюорографическим аппаратом, зная, что завтра поеду домой, и никаких эмоций у

меня это не вызывало. И завтра не вызовет.

– Глубоко вдохнули... не шевелимся... дышите.

Хорошо все-таки, что аппараты теперь цифровые. А то в эти пленочные влезает как в какую-то пыточную камеру, где все гудит, трещит, да еще и дышать нельзя.

– Все, вы свободны. Позовите следующего.

Больница – это царство безволия. И мечта для любого мягкотелого. Здесь тебе не нужно принимать никаких решений, сомневаться в выборе и жалеть о случившемся. Вставайте, ложитесь, ешьте, пейте, мойтесь, дышите, не дышите... Вас позовут, проводят, скажут во сколько, предскажут насколько и укажут, что делать дальше. Расслабься и плыви по течению, грести не нужно. Многим по кайфу.

Но привычно-счастливое утро дня выписки сегодня было омрачено. Умер Вениаминыч. Он умер тихо, ночью, никто даже и не заметил. Медсестра, дежурившая в ту смену, зафиксировала смерть, когда разносила таблетки.

– Отмучался, – сказала она, когда не смогла нащупать ему пульс, и нажала на кнопку. – Надо же прямо в свой день рождения.

И прибежали санитары, доктора, давай что-то записывать, сверять документы и, когда, видимо, отпали последние сомнения, деда вместе с кушеткой увезли куда-то далеко. Я не

хотел знать куда.

Когда зашел в кабинет лечащего врача, чтобы забрать выписной эпикриз, я даже не ощутил, какой у нее сегодня был парфюм. Настроение было ни к черту.

– У вас рецидив.

– Что?! – я медленно опустился на стул.

– Сегодня сдадите мокроту. Проверим на наличие палочки Коха, – она не смотрела мне в глаза, – сами понимаете, в вашем случае риск туберкулеза...

– Вот только не надо меня пугать, каждый раз так говорите. И ниче, вроде живой.

Доктор подняла на меня взгляд:

– Мы провели очередной тест на вирусную нагрузку. Количество иммунных клеток ниже двухсот.

– Нет, нет.... И че? Двухсот! Это же целых двести клеток! Это немало...

– При таких показателях ВИЧ-инфицированный находится на стадии близкой к критической. Вы антиретровирусную терапию принимаете?

– Да... регулярно, – я вжал голову в плечи и говорил еле слышно, – по времени.

– Возвращайтесь в палату.

Звон в ушах. Я шел по коридору и не слышал ничего, что говорили идущие навстречу люди. Они оборачивались и что-то кричали мне в след. Так стоп. Спокойно. Никто не кричит. Я же не оглядываюсь, и слышу только один гул. Значит,

никто не кричит. Бред какой-то. Нельзя терять границу с реальностью.

– Где Гера? – это было первое, что я сказал, войдя в палату.

Соседи, как обычно лежали и смотрели телевизор. «А сейчас я приступлю ко второму отделению концерта по заявкам радиослушателей!» – ответил Жеглов.

– Где, мать вашу, Гера? – проорал я.

Они молча переглянулись, вздохнули и снова уставились на экран.

– Да что вы за люди то такие?! Ничего человеческого в вас нет! Я всего лишь навсего прошу...

– Тише, Коля, – один из больных медленно поднялся и свесил ноги с кровати, – ну что ты хочешь, чтобы мы опять кнопку нажали? Медсестра придет, тебе укольчик поставит, будешь спать суток двое как убитый. Понравилось в прошлый раз?

– Какой укольчик? Что ты несешь?

– Ууу, понятно, – выдохнул он, – опять началось. Только голодовку не устраивай снова – трубку в нос вставят, орать будешь...

Острое чувство сдавило легкие и подступило к горлу. Я с силой сжал губы. Как же курить то охота. Шатающийся походкой я подошел к тумбочке, достал оттуда пачку сигарет с засунутой в нее зажигалкой и, стараясь не смотреть на соседей, вышел из палаты.

На этот раз на коридоре никого не было, он был пуст. Я шел и слушал, как звонким эхом разливается звук щелкающих по полу тапочек. Дойдя до конца корпуса, я спустился на цокольный этаж. Свет в курилке не горел. Тьма полная. Не нащупав выключатель, я достал сигарету и дрожащими пальцами пытался попасть по колесику зажигалки.

– А говорил, что бросил.

От неожиданности я вскрикнул и чуть не выронил сигарету.

– Вот зачем надо было врать? Кого ты обманываешь? – спросил голос.

– Блин, Гера, слава Богу, ты здесь. Как же я рад тебя видеть. Херня какая-то творится...

– Давно уже, Коля, давно.

– Соседи наши про какие-то уколы мне говорили, про голодовки...

– А ты что не помнишь?

– Нет...

– Эх вы, Николай Вениаминович, – смеющимся голосом проговорил Гера, – плохи совсем стали, ничего не помните.

– Помню я все, – выронив сигарету, я полез в пачку за второй, – врач сказала клеток у меня мало. Меньше двух сотен осталось.

– Это еще более-менее. Я до тридцати пяти продержался.

– А что потом?

– СПИД.

– В смысле?

– Всё.

По спине пробежал холодок. Свет с первого этажа практически не проникал на цоколь, и я впился глазами во тьму, пытаюсь разглядеть друга.

– Где ты, Гера?

– Хм, интересный вопрос.

Подняв зажигалку, я принялся чиркать кремний, в надежде разжечь пламя. Но искра не высекалась.

– Уже поздно, Колян. Надо было раньше думать. Надо было думать тогда, когда мы вгоняли иголки в свои вены. Колоться одной машиной! Дебилами надо было быть. Да и вообще...

Пальцы дрожали, и зажигалка чуть было не выскользнула из рук.

– Я умер еще при втором обострении. Тебе повезло больше. Хотя кто знает...

Острая боль пронзила тело насквозь и начала пульсировать в висках.

– Опиум дарил нам счастливую жизнь. Вернее ее иллюзию, – голос Геры дрожал, – в оконцовке он ее забрал. А иллюзия осталась.

– Но ты ведь не хочешь сказать, что жизнь кончена? Что нужно опустить руки и ждать смерть, ну или вколоть в эти руки золотой укол и принять ее самому?

– Конечно, нет.

– Значит, метаться еще не поздняк?

– Определенно, – улыбнулся Гера.

– Кстати, я вспомнил, у меня сегодня день рождения.

– Поздравляю, друг, поздравляю.

Колесико зажигалки громко щелкнуло, и кремний высек искру. Яркий свет пламени озарил комнату.